

ЭХО ОЛИМПИАДЫ

Щедрый дар клоуна

В Олимпиаду уже играют во дворах. Каждый мальчишка на расстоянии вытянутой руки видит перед собой удачу, победу. В тысячах разных зеркал отражена Олимпиада. Отблески ее заметны в театре, и на вернисаже, и, уж конечно, на арене Московского цирка на Ленинских горах, в новой программе, которая так и называется «Звезды олимпийской арены».

Стиль программы — состязание, напряжение, рекорд, то есть стиль большого спорта.

В забавное «соревнование» вступают, скажем, гимнасты на турниках и брусках и дрессированные медведи В. Пузакова в сценке «Олимпийская баллада».

В общем-то, каждый номер программы звезд — своеобразный рекорд: здесь, как и на самой Олимпиаде, — сильнейшие. Но особенно захватывает своим внутренним сходством с большим спортом нелегкое и победоносное представление эквилибристов на лестнице под руководством заслуженного артиста РСФСР А. Милаева.

Своеобразным «ключом», открывающим для нас особое настроение всей олимпийской программы, становится работа коверного клоуна — лауреата международной премии «Оскар», заслуженного артиста РСФСР Анатолия Марчевского.

Уникальность этого клоуна без маски и грима оказывается как нельзя более уместной в рамках программы-гимна.

Он, как правило, не использует проверенных веками клоунады каскадов — спотыканий и падений, которые уж что-то, а хохот вызовут наверняка, автоматически. Сам костюм его, разумеется, не такой, который мы бы хотели носить повседневно, но даже и клоуновской его форме не откажешь в изяществе. Многие коверные охотно подчеркивают или просто придумывают недостатки в своей фигуре — Марчевский на арене не менее строен и даже как бы чуть выше, чем в жизни.

Давно ушел в прошлое клоун-неудачник, существующий на арене для пинков и пощечин: его стало жалко, а значит, он перестал радовать.

Сравнительно недавно его сменил клоун-лукавый. Это был недотепа, который явно «не смотрелся» рядом с сильными, ловкими и смелыми, но... до поры до времени.

Из этого что следовало? Что

клоун — своеобразное отражение того, что думает о себе зритель.

Но вот, значит, опять изменились в чем-то мы с вами, зрители. И, может быть, Марчевский заметил это одним из первых. Сейчас мы приходим в цирк другими — более уверенными. И вот Марчевский не акцентирует свои первоначальные неловкости.

С самого начала ясно: этот сможет сделать все. Но тут-то и наступает открытие. Он не станет надменным, не зазнается, вообще не будет принимать себя слишком всерьез. Показав все, что делали его предшественники — и неловкость, и победу над нею, — он предстанет перед нами человеком открытым, общительным, добрым.

В плотнейших секундах клоунады уложена целая гипотеза развития личности. Если же все-таки попытаться расшифровать «урок Марчевского», то что нам, в сущности, требуется? Умелые мы — уже, чувство собственного достоинства у нас есть. Может быть, стать еще чуть добрее, внимательнее друг к другу, общительнее — как он?

Вот только один пример, правда, возможно, самый яркий. Реприза, собственно говоря, отыграна, мы в который раз аплодируем клоуну. В ритме аплодисментов бьется сердце Марчевского. Вот оно уже на ладони, и клоун щедрым жестом возвращает его залу, нам.

А. АРОНОВ,
Г. ЖАВОРОНКОВ.